

18+

Ора Вей

**ТЕАТР
ОТРАЖЕНИЙ**

Ора Вей
Театр Отражений

«Издательские решения»

Вей О.

Театр Отражений / О. Вей — «Издательские решения»,

Театр Отражений Что, если истина — не точка, а пространство между точками? Если реальность не монолит, а танец, в котором каждое движение меняет рисунок целого? Лиама, архитектор света, проходит сквозь зеркало и становится ученицей тех, кого веками называли богами и демонами. Ей открываются скрытые слои реальности, но каждый новый слой множит вопросы, а не ответы. Тишина между ними дышит всё громче. И однажды в этой тишине звучит «да».

© Вей О.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Танец в Хрустальном Зале	6
Глава 2. В багровых тонах	11
Глава 3. Анатомия пустоты	15
Глава 4. Интуиция как орган чувств	22
Глава 5. Практика незримого	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Театр Отражений

Ора Вей

© Ора Вей, 2026

ISBN 978-5-0070-1239-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Танец в Хрустальном Зале

С точки зрения света тьма — это просто направление, куда он ещё не добрался. С точки зрения тьмы свет — это рана, которую она когда-нибудь затянет. Оба правы, и оба ничего не понимают о себе.

—

Лиама стояла в центре павильона, и семьдесят две зеркальные панели медленно поворачивались вокруг неё, ловя лучи закатного солнца. Свет дробился, множился, скользил по граням, рождая сотни её отражений — высоких, низких, растянутых, сжатых, искажённых ровно настолько, чтобы глаз ещё узнавал человеческую фигуру, но мозг уже сомневался.

«Отражения», инсталляция #47. Самая сложная из всего, что она создавала.

Посетители покинули павильон четверть часа назад, и теперь тишина звенела в ушах, прерываемая лишь мягким гулом сервомоторов. Лиама прошла босиком по холодному полу — туфли она сбросила ещё во время презентации, потому что каблуки мешали чувствовать вибрацию, а вибрация была частью замысла. Пол тоже был зеркальным, и каждый её шаг отзывался лёгкой рябью в отражении — словно она ступала по воде.

Она остановилась перед центральной панелью — трёхметровым прямоугольником идеальной прозрачности, покрытым с внутренней стороны наноплёнкой с переменным коэффициентом преломления. Сейчас плёнка была настроена на полную отражательную способность, и Лиама видела себя — женщину тридцати семи лет, босую, в простом сером комбинезоне, с короткими тёмными волосами и глазами, которые даже она сама не могла описать одним цветом.

— Госпожа Архитектор?

Она вздрогнула. У входа стоял техник Айзек — молодой парень с вечно испуганным выражением лица, словно мир вокруг него постоянно рушился, а он единственный это замечал.

— Я же просила: просто Лиама, — она устало улыбнулась. — Что там?

— Датчики пятого сектора показывают рассинхрон. Я хотел запустить калибровку, но без вас...

— Не надо калибровку. Это не баг, это фича.

Айзек моргнул:

— Простите?

— Иди домой, Айзек. Правда. Я сама всё проверю.

Он помялся ещё несколько секунд, но дисциплина взяла верх. Кивнул, пробормотал «доброй ночи» и исчез за дверью. Лиама осталась одна среди зеркал и заката.

Рассинхрон пятого сектора действительно был не багом. Она намеренно ввела в алгоритм элемент непредсказуемости — микроскопическую ошибку, которая накапливалась с каждым часом работы. К утру зеркала начинали жить собственной жизнью: они чуть-чуть опаздывали или спешили, смещая отражения на долю градуса. Посетители этого не замечали сознательно, но где-то на подкорке чувствовали беспокойство. Именно его она и хотела вызвать.

Беспокойство — первый шаг к пробуждению. Спокойный человек спит. Встревоженный — уже наполовину проснулся.

Эту мысль она не могла приписать никому конкретному. Она просто всплыла в сознании — чужая и одновременно до странности своя, как мелодия, которую вроде бы никогда не слышал, но можешь напеть.

Лиама подошла к пульту управления — прозрачной сенсорной панели, утопленной в одну из опорных колонн. Коснулась её, вывела диагностику. Семьдесят две панели, триста восемьдесят четыре мотора, девятьсот с лишним датчиков. Всё работало штатно, кроме пятого сектора — там и правда копился рассинхрон. Она увеличила график отклонений и замерла.

Кривая напоминала спираль. Не обычную логарифмическую спираль, которую генерировали алгоритмы инсталляции, а что-то другое — более сложное, вложенное само в себя. Фрактальный узор, похожий на...

— На раковину наутилуса, — прошептала она.

И тут же осознала: программа не могла сгенерировать такой паттерн. В коде не было фрактальной геометрии. То, что она видела сейчас, было невозможным с точки зрения заложенных алгоритмов.

Или возможным с точки зрения других алгоритмов, которые ты пока не знаешь.

Она отдернула руку от панели. Сердце забилось быстрее. Галлюцинации? Переутомление? Она не спала почти двое суток, готовя инсталляцию к открытию. Да, точно, переутомление. Сейчас она вызовет такси, доедет до квартиры, примет душ и ляжет спать, а завтра...

Завтра.

Что-то в этом слове кольнуло её — смутное ощущение, что завтра всё изменится. Не мир вокруг, а сам способ, которым она этот мир видит.

Лиама тряхнула головой. Хватит. Никакой мистики. Она — архитектор света, инженер, человек точных расчётов. Тот факт, что она создаёт иллюзии, не делает её самой иллюзией.

Она уже потянулась к сенсору, чтобы выключить систему, как вдруг заметила своё отражение в центральной панели. Что-то было не так. Она подошла ближе, вгляделась...

Отражение не повторяло её движений.

Лиама подняла правую руку. Отражение осталось неподвижным. Она сделала шаг влево — отражение шагнуло вправо. Она замерла — и тут отражение улыбнулось.

Собственное лицо, но с улыбкой, которой она себе никогда не позволяла: спокойной, знающей, почти насмешливой. Губы отражения шевельнулись, и хотя звука не было, Лиама «услышала» слова — не ушами, а чем-то совсем другим, чему она пока не знала названия.

Ты смотришь неправильно.

— Что? — выдохнула она.

Ты смотришь на отражение так, будто оно — это ты. А попробуй посмотреть на себя так, будто ты — это отражение.

Одна часть сознания кричала: «Сбой плёнки! Перезагрузить систему! Вызвать технику!» Но другая часть — та, что когда-то в детстве часами лежала на траве, глядя в небо и ощущая себя одновременно и песчинкой, и вселенной, — эта часть заставила её замереть и задать единственный вопрос, который имел значение:

— А где настоящая я?

Слова вырвались раньше, чем она осознала их смысл. И только когда они прозвучали, Лиама вспомнила: именно этот вопрос сегодня днём задал маленький мальчик, глядя на свои бесконечные копии в зеркальном коридоре. Тогда она ответила что-то дежурное про «все они — это ты». Сейчас собственный вопрос ударил её под дых.

Отражение в панели перестало улыбаться. Оно смотрело на неё серьёзно, почти сострада-тельно. А затем зеркальная поверхность пошла рябью, словно вода, в которую бросили камень, и Лиама увидела за стеклом...

Нет, не за стеклом. В стекле. Сквозь стекло. Вместо стекла.

Пространство.

Огромный зал, уходящий в бесконечность. Но не из зеркал и металла, как её павильон, а из кристаллов — живых, растущих, пульсирующих мягким внутренним светом. Свет этот переливался всеми цветами, которые она знала, и ещё многими, которым не было названия. Воздух дрожал от беззвучной музыки, похожей на пение стеклянных колокольчиков, опущенных в жидкий гелий.

И в центре этого зала кто-то стоял.

Фигура — человеческая, но не человек. Она была облачена в костюм, сшитый из лоскутов разных эпох: бархат Ренессанса, блёстки кабаре, строгий крой будущего, цыганские мониста. Лицо её было как вода в ветреный день — черты непрерывно сменяли друг друга, не застывая ни на миг: юноша, старуха, ребёнок, воин, шут. Но взгляд, проступающий сквозь эту рябь, был неизменным — он смотрел на Лиаму и ждал.

Она должна была испугаться. Должна была отдёрнуться, убежать, позвать на помощь. Но вместо этого она почувствовала странное облегчение — словно всё её существо давно готовилось к этой встрече, а ум просто не получал письма с уведомлением.

— Кто вы? — спросила она.

И фигура ответила. Голос звучал сразу отовсюду — как если бы заговорил весь зал, каждая грань каждого кристалла:

Я — тот, кого ты всегда ждала, не зная об этом. Я — смех, который звучит, когда рушится слишком серьёзная теория. Я — Лимбург, и ты стоишь на пороге. Осталось сделать один шаг.

— Куда?

Ты уже знаешь.

И Лиама поняла: она действительно знает. Знала с того самого момента, как мальчик задал свой вопрос. Знала, когда увидела фрактальную спираль на мониторе. Знала, когда её отражение улыбнулось ей.

Нужно шагнуть в зеркало.

— Но там же стекло, — прошептала она.

Ты уверена?

Она протянула руку. Пальцы коснулись прохладной поверхности — и прошли сквозь неё, не встретив сопротивления. Кожа ощутила покалывание, словно тысячи крошечных иголок раздвинули молекулы, пропуская её ладонь в другое пространство. Лиама посмотрела на свою руку — половина оставалась здесь, в мире павильона и сервомоторов, половина была там, среди кристаллов и невозможного света.

«То, что ты зовёшь страхом, — всего лишь эхо истории, которую твой разум рассказывает сам себе слишком долго, чтобы заметить, что он сам же её и выдумал. Сделай шаг».

И она сделала.

Мир позади схлопнулся, как мыльный пузырь. Или, точнее, мир впереди раскрылся, как бутон, ожидавший именно этого мгновения. Лиама стояла в Хрустальном Зале, босая, в своём сером комбинезоне, и вокруг неё кружились, росли, дышали кристаллы, каждый из которых был зеркалом и не-зеркалом одновременно. Она видела в них не отражения, а...

— Что я вижу? — спросила она шёпотом.

Лимбург приблизился. Его лицо было тысячью лиц сразу. Теперь Лиаме казалось, что они сменяются ещё быстрее, словно сама вечность листала книгу с бесконечными портретами, и ни один не успевал застыть.

Ты видишь тени, — сказал он. — Тени на стене пещеры. Ты привыкла думать, что тени и есть мир. Но теперь ты стоишь у входа. И я научу тебя смотреть на огонь.

— Я не понимаю.

И не должна. Понимание — это конец. А мы только начинаем.

Он взмахнул рукой, и кристаллы вокруг запели — каждый на своей частоте, и все вместе они складывались в аккорд, который Лиама ощутила всем телом. Звук проходил сквозь неё, резонировал с ритмом сердца, с частотой дыхания, с электрическими импульсами нейронов.

Ты — архитектор света. Ты думала, что строишь иллюзии. Но на самом деле ты строила мост. Каждая твоя инсталляция была попыткой пробить стекло, за которым — настоящее. Ты звала нас, даже не зная этого.

— Нас?

Нас. Тех, кто существует до того, как на них посмотрят. Тех, кто ждёт взгляда, чтобы обрести форму.

Лимборг протянул ей руку. Ладонь была тёплой — неожиданно тёплой, человеческой.

Хочешь узнать, что ты видела всю жизнь, не замечая этого?

Лиама посмотрела на его ладонь. Потом на свои руки — всё ещё дрожащие после перехода. Потом на кристаллы, в которых что-то двигалось, жило, дышало.

— А обратно можно будет вернуться?

Вернуться — да. Но прежней — никогда.

Она взяла его за руку.

— Тогда показывай.

И Хрустальный Зал рассмеялся тысячью граней, и Лиама впервые в жизни поняла, что значит — видеть.

Глава 2. В багровых тонах

Камень видит в распаде освобождение от немоты. Здание видит в нём приговор. Истина не принадлежит ни тому, ни другому — она дышит там, где форма и пустота узнают себя друг в друге.

Три дня после Хрустального Зала Лиама провела в состоянии, похожем на похмелье. Она возвращалась в павильон — всё работало штатно, рассинхрон пятого сектора исчез, зеркала послушно отражали именно то, что должны были отражать. Техник Айзек смотрел на неё с обычной тревогой, посетители восхищались инсталляцией, закатное солнце всё так же дробилось в семидесяти двух панелях.

Всё было как прежде. И именно это было невыносимо.

Потому что она сама изменилась. Где-то на уровне, который она пока не могла ни измерить, ни описать, — там, где раньше был только ровный гул функционирующего сознания, теперь поселился новый ритм. Не то эхо Хрустального Зала, не то отзвук собственного шага, преодолевшего стекло.

Лимборг сказал: «Я научу тебя смотреть на огонь». Но как смотреть? Куда? Она перепробовала всё: медитации из сетевых библиотек, эксперименты с сенсорной депривацией, даже старые шаманские техники, найденные в архивах антропологов. Ничего не работало.

А потом она вспомнила.

Непрямое зрение.

Лимборг говорил о нём в самом конце, когда она уже уходила из Хрустального Зала. «Ты всю жизнь смотрела прямо. Этого достаточно, чтобы не споткнуться о камень. Но чтобы увидеть камень изнутри, нужно отвести пристальный взор — и тогда он откроется тебе целиком».

Тогда она не поняла. Теперь — поняла.

Лиама сидела в своей мастерской на сорок втором этаже жилого модуля «Вертикаль-7». Окна от пола до потолка выходили на город — бесконечную сеть огней, мостов, аэромагистралей. В обычные дни этот вид завораживал её: сложная система, живущая по своим законам, муравейник, который притворяется цивилизацией. Но сегодня она смотрела иначе.

Она расфокусировала взгляд и позволила хрусталику расслабиться, перестала цепляться за детали. Огни города расплылись в цветочные пятна. Контуры зданий потеряли чёткость. Мир превратился в акварель, нарисованную пьяным художником.

Скучно. Искусственно. Она вздохнула и уже собиралась встать, чтобы заварить очередную чашку кофе, как вдруг заметила нечто странное.

Прямо перед ней, на уровне глаз, воздух дрогнул.

Пространство словно покрылось сеткой микроскопических трещин, как стекло после удара. Трещины пульсировали, и сквозь них пробивался свет — не белый и не жёлтый, а глубокий, тёмно-алый, с оттенком запёкшейся крови.

Лиама замерла. Сердце ускорило ритм, но она запретила себе бояться. Затем сделала глубокий вдох и усилила расфокусировку.

И тогда мир сломался.

Она подавила крик от неожиданности. Стены её мастерской исчезли. Вернее, они стали прозрачными, как матовое стекло, и сквозь них она видела не соседние квартиры, а потоки. Реку багрового света, текущую сквозь всё здание снизу вверх, как кровь по артериям. Другие потоки — тоньше, быстрее, золотистые и синие — пронизывали пространство горизонтально, вертикально, по диагонали, сплетаясь в сложнейшую сеть.

Пол под её ногами был не бетонной плитой, а рябью вероятностей — миллиарды частиц, танцующих на грани существования и не-существования. Она видела, как атомы колеблются, как электроны перескакивают с орбиты на орбиту, испуская фотоны, как ядра пульсируют, удерживая себя в реальности одним лишь актом коллективной веры.

— Красиво, правда?

Голос прозвучал одновременно отовсюду и ниоткуда. Низкий, глубокий, с лёгким скрежетом — словно говорили сами тектонические плиты.

Лиама резко обернулась — и увидела его.

Он стоял в углу комнаты, которой больше не было. Высокая фигура, укутанная в плащ, сотканный из дыма и ржавчины. Края плаща непрерывно осыпались мельчайшими частицами, которые, падая, вспыхивали алыми искрами и гасли. Лицо напоминало старую фреску, с которой время смыло половину деталей: черты проступали, расплывались, собирались заново в ином порядке. Глаза были двумя провалами в черепахе, и в глубине этих провалов что-то двигалось — не зрочки, а спиральные галактики крошечных огней.

Но самым странным было не это. Вокруг фигуры предметы старели. Книга на столе, в которую она даже не смотрела, покрылась жёлтыми пятнами, страницы скрутились, кожаный переплёт пошёл трещинами. Чашка с остывшим кофе зацвела плесенью, и плесень эта росла, плодилась, умирала и рассыпалась прахом за секунды.

— Ты... — она сглотнула, пытаясь сохранять спокойствие, — кто ты?

— Айолос, — представился он. — Демон распада, если тебе нужны ярлыки. Хотя ярлыки — это как раз то, от чего мы сегодня начнём отвыкать.

Лиама сделала шаг назад — точнее, попыталась. Ноги двигались сквозь пол, который теперь был рябью, и ощущение было такое, словно она ступает по колышущемуся студню.

— Я не боюсь тебя, — сказала она. Голос дрогнул, но слова были правдой. Она действительно не боялась — по крайней мере, не так, как боялась бы неделю назад. То, что она чув-

ствовала сейчас, было скорее благоговением. Как перед грозой. Как перед извержением вулкана. Стихия. Опасная, но не враждебная.

Айолос улыбнулся — во всяком случае, так она ощутила. Воспринимать мимику на лице, которое непрерывно менялось, было невозможно, но откуда-то изнутри поднялась уверенность: он улыбается.

— Знаю, что не боишься, — сказал он. — Иначе я бы не пришёл. Страх — это форма, а я не интересуюсь теми, кто привязан к формам.

Он взмахнул рукой — и мир вокруг изменился снова. Багровые потоки стали ярче, плотнее, обрели объём и текстуру. Теперь Лиама видела их не просто как свет, а как масштабную, живую архитектуру. Каждый поток был свит из множества нитей, и каждая нить несла информацию.

— Это Мир Тока, — сказал Айолос. — Вы называете это энергией, полями, квантовыми флуктуациями. Учёные строят приборы, чтобы косвенно измерять то, что ты сейчас видишь глазами. Но приборы — это костыли.

Он указал на одну из нитей, проходящую сквозь то место, где раньше был её письменный стол. Нить пульсировала, переливаясь оттенками алого и оранжевого.

— Подойди.

Лиама подошла. Нить вибрировала на частоте, которую она ощущала кожей — как низкий гул мощного трансформатора.

— Коснись.

Она протянула руку. Пальцы погрузились в нить — и тут же отёрнулись. Ощущение было ошеломительным: не горячо и не холодно, не больно и не приятно. Скорее это походило на информационный шок — в мозг хлынул поток данных, образов, эмоций. Она увидела женщину в квартире этажом выше, склонившуюся над ребёнком. Увидела мужчину в переходе метро, торопящегося на встречу, которая изменит его жизнь. Увидела старуху, кормящую голубей в парке, — и каждая крошка хлеба, падающая из её руки, была актом связи, узлом в сети.

— Люди, — прошептала Лиама. — Это всё люди.

— Не совсем, — возразил Айолос. — Это узлы сил. Человек — это не тело. Тело — форма. Человек — это переплетение токов. Желаний. Страхов. Воспоминаний. Связей. Энергия, которая временно приняла форму плоти. И когда форма изнашивается, — он указал на своё лицо, непрерывно плывущее и перестраивающееся, — токи не исчезают. Они переплетаются иначе.

Лиама смотрела на багровую сеть, раскинувшуюся до горизонта. Город, который она знала, превратился в живой организм, пронизанный артериями света. Здания были не зданиями, а сгустками медленной, застывшей энергии. Машины — сонными змеями, ползущими по венам магистралей. Люди — яркими, сложными узлами, из которых в разные стороны расходились сотни, тысячи нитей: к другим людям, к вещам, к местам, к воспоминаниям, к мечтам.

— Почему ты это делаешь? — спросила она. — Почему показываешь мне?

Айолос обернулся к ней. Провалы его глаз вспыхнули особенно ярко, и в этом свете она увидела ответ раньше, чем он произнёс его вслух.

— Потому что ты — архитектор, — произнёс он. — Всю жизнь ты возводила конструкции из света и стекла. Но это были лишь каркасы теней. Теперь научись строить из того, что отбрасывает тень.

Он протянул ей руку — так же, как Лимбург в Хрустальном Зале. Но там рука была тёплой. Здесь — от ладони Айолоса веяло холодом вечности.

— Я научу тебя видеть не материю, а связи, — сказал он. — Стены, которые ты возводишь, — они исчезнут. Хочешь?

Лиама посмотрела на его руку. Потом на свои — обычные, человеческие, всё ещё дрожащие. Потом на сеть багровых нитей, которая теперь казалась ей более реальной, чем всё, что она знала раньше.

— А какой ценой? — спросила она.

Айолос не ответил. Но в его молчании было больше правды, чем в любых словах.

Она взяла его за руку.

Мир Тока беззвучно взорвался мириадами багровых искр. И Лиама перестала быть женщиной, которая смотрит. На одно бесконечное мгновение она стала самим зрением.

Глава 3. Анатомия пустоты

То, что ты зовёшь пустотой, — не отсутствие. Это присутствие, которое ещё не решило, чем стать. Страх перед пустотой — это страх младенца перед миром за пределами колыбели.

—

Когда Лиама снова почувствовала своё тело, она лежала на полу собственной мастерской.

Сознание возвращалось постепенно. Сначала — ощущение твёрдой поверхности. Потом — прохлада воздуха на коже. Затем — ритм сердца, слишком быстрый, сбивчивый. Она села, прижимая ладонь к груди, и обнаружила, что может видеть одновременно два мира.

Мастерская была на месте: письменный стол, голографический проектор, чашка с нетронутым кофе на краю. Но сквозь всё это, как рентгеновский снимок, проступала багровая сеть Мира Тока. Она больше не исчезала.

Айолос стоял у окна. Вернее, у того, что в физическом мире было окном. Сейчас это была рябь вероятностей, пронизанная алыми нитями. Его фигура по-прежнему источала холод вечности, и воздух вокруг него дрожал от непрерывного микрораспада — пылинки умирали и возрождались, коснувшись его плаща.

— Ты вернулась, — произнёс он. Это был не вопрос.

— Я... — Лиама сглотнула. Горло пересохло. — Я была всем. Я была светом, который проходил сквозь...

— Сквозь всё, — закончил он. — На краткий миг ты перестала быть наблюдателем и стала наблюдением. Но тело не выдерживает такого долго. Пока не выдерживает.

Он повернулся к ней. Лицо его в этот раз собралось в почти человеческие черты — резкие, грубые, словно высеченные из обсидиана. Провалы глаз сияли.

— Как ты себя чувствуешь?

Лиама прислушалась к себе. Вопрос был не из вежливости — он действительно ждал честного ответа.

— Как будто меня разобрали на атомы и собрали обратно. Но собрали неправильно. Что-то... осталось лишним.

— Это не лишнее. Это зрение. Оно теперь всегда будет с тобой, если ты сама не решишь закрыть глаза.

Она медленно поднялась на ноги. Мышцы слушались, но ощущение было странным — как после долгой болезни, когда тело кажется одновременно своим и чужим. Она посмотрела на свои руки: сквозь кожу проступала сеть капилляров, а под ней — более глубокая сеть, багровая, пульсирующая в такт чему-то, что не было её сердцем.

— Я хочу понять, — сказала она. — Кто вы такие. Демоны. Что вы делаете с миром? Почему вас боятся?

Айолос издал звук — выдох, полный усталости.

— Ты задаёшь вопросы, которые люди боялись задавать тысячелетиями. Хорошо. Я покажу тебе анатомию пустоты. Но сначала скажи: что ты видишь, когда смотришь на стену?

Лиама перевела взгляд на стену мастерской. Бетон, покрашенный в белый. С точки зрения обычного зрения — преграда, граница комнаты. Но теперь она видела и другое: стена была танцем частиц. Атомы углерода, кремния, кислорода колебались в узлах кристаллической решётки, удерживаемые силами, которым она ещё не знала названия. Между ними зияли провалы — невообразимо огромные, если мерить масштабом самих атомов.

— Я вижу пустоту, — прошептала она. — Стену, которая состоит в основном из пустоты.

— Именно. А теперь скажи: почему твоя рука не проходит сквозь неё?

Это был вопрос из школьной физики. Электромагнитное отталкивание. Но Лиама знала — он ждёт другого ответа.

— Потому что я верю, что стена — это стена. Потому что мой разум держится за форму.

— Хорошо, — повторил Айолос, и в его голосе прозвучало удовлетворение. — Очень хорошо.

Он шагнул к стене — и прошёл сквозь неё.

Это не было эффектным растворением или вспышкой света. Просто одна секунда: он стоял внутри комнаты. Следующая: он стоял снаружи, в коридоре, и стена была по-прежнему цела. Лиама видела его сквозь бетон — багровый силуэт, сотканный из токов.

— Как? — выдохнула она.

— Я не проходил сквозь стену, — донёсся его голос, и звучал он теперь прямо в сознании. — Я прошёл сквозь идею стены. Материя — это договорённость. Атомы соглашаются быть стеной только потому, что ты соглашаешься видеть их стеной. Демоны — это те, кто выбирает не соглашаться.

Он вернулся в комнату тем же способом — просто прошёл сквозь бетон, как сквозь воздух.

— Садись, — сказал он. — Урок начинается.

— —

Они сидели на полу друг напротив друга. Лиама — скрестив ноги, всё ещё ощущая дрожь в мышцах. Айолос — неподвижный, как статуя, источающая холод и тление.

— Прежде чем ты научишься проходить сквозь материю, — начал он, — ты должна понять, кто такие демоны. Не из ваших мифов. Из нашей собственной анатомии. Ты готова услышать?

Она кивнула.

— Тогда представь себе дерево. Оно растёт, тянется к солнцу, впитывает воду корнями, даёт плоды. Это форма. Но что происходит, когда дерево умирает?

— Оно разлагается. Становится почвой. Кормит других.

— Да. Форма распадается, и содержание — то, что было связано в форме, — возвращается в круговорот. Минералы уходят в землю. Влага — в воздух. Энергия, накопленная за жизнь, — в грибы, бактерии, насекомых. Распад — это освобождение содержания через разрушение формы. Теперь скажи: это зло?

— Это... естественно.

— Естественно, — повторил он. — Но теперь представь, что у дерева есть разум. И этот разум верит, что форма — это всё, что у него есть. Что распад — это конец. Что почва, которой оно станет, — это не продолжение, а уничтожение. Как такой разум назовёт того, кто приходит, чтобы разложить его форму?

Лиама молчала. Ответ был очевиден.

— Чудовищем, — прошептала она. — Демоном.

— Вот ты и поняла, — сказал Айолос. — Моя природа — распад. Но распад не разрушает суть. Он освобождает её. Я разбиваю форму, чтобы выпустить содержание. Я — архитектор пустоты, и пустота, которую я создаю, всегда готова стать чем-то новым.

Он поднял руку, и над ладонью вспыхнул крошечный багровый огонёк. Лиама видела его сразу в двух слоях: в физическом мире это была просто искра, в Мире Тока — сложный узел нитей, завязанных в спираль.

— Это семя распада, — сказал Айолос. — Не бойся. Оно не причинит тебе вреда. Просто наблюдай.

Он поднёс огонёк к чашке с остывшим кофе, стоявшей на столе. Искра коснулась керамической поверхности — и чашка исчезла. Мгновение — и на столе лежала горстка мельчайшего порошка, который тут же развеялся в воздухе.

— Что ты сделал? — Лиама подалась вперёд.

— Я разорвал связи. Керамика — это оксиды металлов, связанные в кристаллическую решётку. Я убрал связи. Содержание — атомы кремния, алюминия, кислорода — вернулось в воздух, в стол, в пространство. Ничто не уничтожено. Всё освобождено.

Она смотрела на пустое место, где только что стояла чашка.

— Но при чём тут страх? — спросила она. — Если то, что ты делаешь, — освобождение, почему люди боятся вас?

Айолос посмотрел на неё долгим взглядом. Провалы его глаз стали глубже и ещё темнее.

— Потому что они смотрят на себя только как на форму, — сказал он. — Тело, имя, память, достижения. Всё это — чашка. Красивая, хрупкая, любимая. И когда мы приходим, чтобы разбить форму, они думают, что мы уничтожаем их. Но мы освобождаем содержание. То, кем они и являются на самом деле.

Он наклонился ближе. Холод усилился — но Лиама не отодвинулась.

— Теперь ты понимаешь, почему я здесь? Почему я учу тебя? Ты — человек, который строил из формы. Свет, стекло, отражения. Ты знаешь, как прекрасна может быть форма. Но теперь ты узнаешь, что за формой стоит содержание. И однажды ты сможешь работать с обоими.

— Но я не хочу разбивать, — сказала она.

— И не надо. Ты научишься проходить сквозь. Не разбивая. Просто... не соглашаясь с формой на время. Сохраняя и форму, и свободу.

Он встал и подошёл к стене, положил на неё ладонь.

— Подойди.

Лиама подошла.

— Положи руку на стену. Рядом с моей.

Она повиновалась. Бетон был прохладным, шершавым — привычная материя, подчиняющаяся всем законам физики.

— Теперь закрой физические глаза и открой те, что видят Мир Тока.

Лиама закрыла глаза — и тут же её внутреннее зрение зажглось багровым. Она видела стену как сеть атомов, связанных силовыми линиями. Видела свою ладонь — сложный, плотный узел вибраций. Видела ладонь Айолоса — провал, область, где атомы расступались, как вода перед носом корабля.

— Теперь найди в стене пустоту. Не между атомами — её везде достаточно. Найди пустоту в связи. В договоре атомов быть стеной. Представь, что этот договор — просто мысль. Мысль можно изменить.

Она сосредоточилась. Сначала ничего не происходило. Потом — лёгкое покалывание в пальцах. Потом — ощущение, что бетон стал чуть мягче. Не физически — сама идея стены стала менее жёсткой.

— Хорошо, — голос Айолоса звучал спокойно, почти ласково. — Теперь сделай шаг. Не физический шаг — шаг намерения. Реши, что стены здесь нет. Что есть только ты и пустота, готовая принять тебя.

Лиама глубоко вдохнула.

Стены нет. Есть только договор о стене. Я не разрушаю договор — я временно выхожу из него.

И она сделала шаг.

И замерла — внутри.

Что-то пошло не так. Она не прошла, но и не осталась на месте. Она застряла в пороге. На долю секунды она перестала понимать, где кончается её кожа и начинается бетон. Атомы её тела и атомы стены перестали быть отдельными — они перемешались, как чернила в воде, и она больше не могла сказать, где заканчивается она и начинается всё остальное.

И хуже всего — часть её не хотела возвращаться.

Она почувствовала, как её тянет вперёд, как в сон после долгой, изматывающей работы. И тяга эта была до того сладкой, до того родной, что Лиама в последнем усилии воли отдёргнула руку от стены и рухнула на пол, хватая ртом воздух.

Физический мир ворвался в сознание лавиной: боль в ладони, ударившейся о бетон, холод пола под щекой, запах собственного пота, сердце, бьющееся в горле. Она лежала, свернувшись, и не могла пошевелиться. Стена перед ней была цела. Обычная. Неподвижная.

Непройденная.

Айолос стоял рядом. Он не двинулся, не помог ей подняться — просто смотрел. В провалах его глаз мерцали спирали далёких галактик.

— Хорошо, — произнёс он.

— Что хорошо? — голос Лиамы сорвался на хрип. — Я не смогла. Я почти...

— Ты почти перестала быть собой, — закончил он спокойно. — Ты прикоснулась к тому, что за формой, и оно тебя позвало. И ты испугалась того, что этот зов был тебе приятен. И в этом страхе ты отступила. Это правильно. Пока ты ещё не готова. Кто не научился вовремя отдёргивать руку, тот сгорает в первом же огне.

Лиама медленно села. Прижала ладонь к груди, пытаясь унять сердце.

— Я почувствовала, что хочу исчезнуть, — сказала она тихо. — Перестать быть. Раствориться. И это было... как будто я всю жизнь мечтала об этом и не знала.

— Ты прикоснулась к собственной пустоте, — сказал Айолос. — Не к смерти. Смерть боится, цепляется, кричит. А пустота принимает. И это пугает больше, чем смерть. Потому что смерть — это всё ещё ты. А пустота — это свобода от себя.

Он опустил на корточки рядом с ней.

— Ты не прошла. Но ты коснулась порога — и вернулась целой. Мало кто вообще добирается до порога. Большинство живут и умирают, ни разу не заподозрив, что стена — это не глухая граница, а дверь, которую они сами заперли.

Лиама потёрла ладонь. Пальцы всё ещё покалывало.

— А если я никогда не смогу её открыть?

— Тогда ты будешь той, кто знает, что дверь существует. Это тоже судьба. Не все обязаны проходить. Некоторые должны остаться и строить по эту сторону — но строить честно, помня, что за бетоном не пустота, а иная форма присутствия.

Она подняла на него взгляд.

— Ты правда веришь, что я смогу?

Айолос помедлил.

— Ты архитектор. Ты знаешь, что любую стену можно сделать дверью. Весь вопрос в том, готова ли ты сама войти в эту дверь.

Он выпрямился и отступил к окну — туда, где физический мир и Мир Тока особенно плотно переплетались.

— Возвращайся к себе. И не торопись. То, что звало тебя сегодня, никуда не исчезло. Оно всегда здесь. Просто теперь ты знаешь его лицо. А когда знаешь лицо — можно договариваться.

— О чём? — спросила Лиама.

— Об условиях. О мере. О том, сколько себя ты готова выпустить за стену, а сколько оставить здесь. Пустота не требует всей тебя сразу. Она умеет ждать.

— А если я вообще не захочу? Проходить?

Айолос повернул голову. Свет из окна прошёл сквозь него, и на миг его фигура стала полупрозрачной — багровые нити внутри мерцали, как замедленные молнии.

— Тогда не проходи, — сказал он просто. — Знание не обязывает к действию. Ты можешь прожить всю жизнь, зная, что за стеной — бесконечность, и ни разу туда не шагнуть. Это выбор. Не всякому знанию нужно становиться опытом.

— Зачем тогда знать?

— Чтобы не врать себе.

Затем он растаял, будто дымка над асфальтом в жаркий полдень. Лиама осталась одна.

Она поднялась, подошла к стене и коснулась её кончиками пальцев. Бетон был просто бетоном. Но теперь она знала, что за ним. И это меняло всё.

Глава 4. Интуиция как орган чувств

*Знание — это карта, начерченная теми, кто прошёл до тебя.
Интуиция — это компас, указывающий путь туда, где ещё нет дорог.*

Две недели Лиама не подходила к стене.

Она жила. Работала. Встречалась с заказчиками, спорила с инженерами о коэффициентах преломления, подписывала сметы на новую инсталляцию для Музея Современных Состояний. Айзек, техник, докладывал о работе павильона — зеркала держали строй, рассинхрон больше не появлялся, посетители текли ровной рекой. Всё работало. Всё было как прежде.

И всё было иначе.

Теперь она постоянно видела два слоя одновременно. Не так ярко, как в первый раз под руководством Айолоса, — зрение притупилось до терпимого фона, как гул далёкой автомагистрали за окном. Но оно никуда не уходило. Сквозь лица прохожих проступали багровые узлы токов — у кого яркие, пульсирующие тревогой, у кого ровные, тёплые, как угли в очаге. Сквозь здания тянулись силовые линии — медленные в бетоне, стремительные в воздухе, спутанные в клубки там, где люди собирались вместе. Метро в час пик выглядело как огненная река, и Лиама впервые поняла, почему в толпе так легко потерять себя: индивидуальные токи сливались в общий поток, и границы между «я» и «не-я» становились зыбкими.

Она никому не рассказывала. Кому расскажешь? «Знаете, я теперь вижу души в виде световых артерий». Психиатрическая экспертиза, административный отпуск, рекомендация «отдохнуть от нагрузок». Нет уж.

Но по ночам — когда город затихал и багровая сеть проступала особенно ярко на фоне темноты — она садилась у окна и тренировалась.

Сначала просто различать. Она научилась отличать токи людей от токов животных — у кошек они были быстрее, с фиолетовыми искрами; у голубей — прерывистые, как азбука Морзе. Научилась видеть «следы» — шлейфы энергии, которые человек оставляет в месте, где долго находился. Её собственное кресло у окна светилось мягким золотом. Кровать — более тёмным, густым, с алыми прожилками снов.

Потом она начала сортировать слои. Физический мир — первый слой. Мир Тока — второй. Но она чувствовала, что есть и другие — она просто пока не умела на них настраиваться. Иногда, на грани засыпания, ей казалось, что сквозь багровую сеть проступает что-то ещё — более тонкое, серебристое, поющее на частотах, которые она ощущала не слухом, а чем-то совсем иным. Но стоило моргнуть — и видение исчезало.

На пятнадцатый день она позвала Айолоса.

Она не знала, как это работает, — но знала, что сработает.

Он появился не сразу. Сначала воздух в углу комнаты стал тяжелее, холоднее — так пахнет от старой книги, которую никто не открывал столетиями. Потом замерцали пылинки — закружились в воздухе, ускоряя свой танец. И наконец из пустоты проявилась фигура — высокая, укутанная в плащ из дыма и ржавчины, с лицом, которое отказывалось оставаться одним и тем же дольше секунды.

— Ты звала, — произнёс он. Это был не вопрос.

— Ты знал, что позову.

— Знал. Не знал когда. — Он склонил голову, разглядывая её. — Ты изменилась. Стала тише внутри. Это хорошо. Громкий ум не слышит ничего, кроме себя.

Лиама выдохнула — медленно, точно сбрасывая невидимый груз.

— Я готова идти дальше. Только... я пока не знаю, куда именно.

— Знаю. Поэтому не спрашиваю, готова ли ты. Ты сама ещё не знаешь. Но ты хочешь знать. Этого достаточно.

Он не стал вставать. Вместо этого удобнее устроился в её кресле, пропитанном золотом её долгих ночных бдений, и сложил руки на коленях. Плащ осыпался микроскопическими искрами, которые гасли на лету.

— Сегодня я не буду учить тебя проходить сквозь преграды.

Лиама нахмурилась.

— Но я думала...

— Ты думала, преграда — это бетон? Или зеркало? Или собственное тело? — Он качнул головой. — Преграды вокруг тебя — лишь следствие. Преграда внутри тебя — вот причина. И сегодня мы займёмся именно ей.

Он вытянул руку ладонью вверх. Над ладонью вспыхнул уже знакомый багровый огонёк — семя распада.

— Что ты видишь?

— Искру. Сгусток энергии. Узел нитей в Мире Тока.

— Это твои глаза. А что говорит рассудок?

Она помедлила.

— Что это невозможно. Что энергия не может висеть в воздухе без источника. Что это галлюцинация, вызванная переутомлением.

— Вот. — Айолос сжал ладонь, и огонёк погас. — Вот твой враг. Не стена. Не материя. Не законы физики. Твой рассудок. Точнее — та его часть, которая верит, что уже знает, как устроен мир.

Он подался вперёд. Провалы его глаз стали глубже, и Лиама почувствовала уже знакомый холод.

— Рассудок — это инструмент. Великий инструмент. Он позволил вам построить города, расщепить атом, выйти в космос. Но есть у него одно свойство: он не умеет видеть новое. Всё, что он встречает впервые, он пытается вписать в уже известное. Если не получается — он отрицает. Это не глупость. Это защита. Если бы разум принимал всё без фильтра, ты бы сошла с ума в первый же день после пробуждения зрения.

— Тогда как? — спросила Лиама. — Как отличить истинное новое от иллюзии? Если рассудок — фильтр, который всё отсекает, как вообще познавать?

Айолос откинулся в кресле. Ткань под ним постепенно старела — Лиама видела, как нити истончаются, теряют цвет, готовые рассыпаться. Но он, кажется, сдерживал процесс — старение шло медленно, как в замедленной съёмке.

— Есть другой орган восприятия, — сказал он. — Вы называете его интуицией. Но ваше понимание интуиции — детский лепет. Для вас интуиция — это «предчувствие», «догадка», что-то смутное и ненадёжное. Потому что вы пытаетесь услышать её рассудком — а рассудок не умеет слушать. Он умеет только говорить.

Он коснулся пальцем своего виска — там, где у человека был бы висок. Палец прошёл сквозь дым и ржавчину, указывая куда-то внутрь.

— На самом деле интуиция — это резонанс. Прямое знание, которое возникает, когда твоя внутренняя частота совпадает с частотой истины. Это не догадка. Это зрение. Просто смотрит не мозг, а та часть тебя, которая была раньше мозга и будет после.

— Душа? — спросила Лиама.

— Можно назвать и так. Слово неточное, но сойдёт. Душа знает то, что рассудок только учится формулировать. Душа узнаёт правду мгновенно — ещё до того, как мысль оформилась в слова. Проблема в том, что вы привыкли доверять только словам. Всё, что не облечено в слова, для вас не существует. Это как пытаться понять океан, глядя только на пену.

Лиама прошлась по комнате.

— Я чувствовала это. В Хрустальном Зале. Когда Лимборг говорил, я знала, что он говорит правду, — ещё до того, как понимала смысл слов. Как будто правда сама коснулась меня изнутри. Ты не рассуждаешь о ней — ты просто узнаёшь её, как свет узнают глаза, даже закрытые.

— Именно. — Айолос кивнул, и его лицо на миг собралось в почти человеческую улыбку. — Ты знала правду не умом. Ты резонировала с ней. Это и есть интуиция — орган прямого знания. И сейчас я научу тебя пользоваться ею сознательно.

Он встал. Подошёл к ней. Холод усилился, но теперь Лиама не вздрагивала — она уже начала привыкать к этому ощущению, и оно казалось ей скорее бодрящим, чем пугающим.

— Скажи что-нибудь. Любое утверждение. Обо мне или о мире. Что угодно.

Лиама задумалась.

— Ты опасен, — сказала она наконец. — Ты можешь уничтожить меня.

— Хорошо. А теперь послушай ответ. Но не ушами. Не умом. Внутренним слухом. Закрой глаза.

Она закрыла. Багровая сеть Мира Тока осталась видимой — она теперь всегда была видна с закрытыми глазами, даже ярче, чем с открытыми.

— Я опасен, — повторил Айолос её слова. — Я могу уничтожить тебя. Правда это или ложь?

Она хотела ответить «правда» — и уже открыла рот. Но что-то остановило её. Не мысль. Ощущение. Тихий звон внутри — как камертон, которого коснулись, и он отозвался не на ту частоту. Фальшивая нота в симфонии.

— Это... — она запнулась. — Это не совсем правда. Или не совсем ложь. Ты можешь уничтожить мою форму. Моё тело. Но не меня. И ты не хочешь этого. Тебе это не нужно.

Айолос молчал. Лиама открыла глаза — и увидела, что провалы его глазниц сияют ярче прежнего.

— Ты слышала, — сказал он тихо. — Ты действительно слышала. Большинству требуются месяцы, чтобы отличить голос интуиции от голоса страха. Ты сделала это за секунды.

— Я просто... — она растерялась. — Я просто почувствовала, что в моих словах что-то неправильно. Как будто одна струна расстроена.

— Это и есть резонанс. Твоя душа узнала правду и дала знать уму. Уму осталось только перевести знание в слова. — Он помолчал. — Теперь другое утверждение. Моё. Слушай: «Ты никогда не сможешь пройти сквозь стену».

Она снова закрыла глаза. И снова — тихий звон, но другой. В прошлый раз была фальшивая нота. Сейчас — будто струна зазвучала верно, но мелодия была печальной.

— Это может быть правдой, — сказала она медленно. — Если я поверю в это. Твои слова — не предсказание. Это... возможность. Одна из вероятностей. Не единственная.

Открыла глаза.

— Ты не утверждал факт. Ты показывал мне зеркало.

Айолос рассмеялся. Это был странный звук — низкий, рокочущий, похожий на камнепад в горах. Лиама поняла, что впервые слышит его смех.

— Лимбург будет доволен, — сказал он. — Он говорил, что ты схватываешь быстрее, чем кто-либо из видевших Хрустальный Зал. Я не верил. Теперь верю.

Он протянул руку к стене.

— Интуиция может не только различать правду и ложь. Она может чувствовать вероятности. Каждый миг перед тобой — веер возможностей. Рассудок видит только те, что лежат на поверхности. Интуиция видит все. И может выбрать ту, которая тебе нужна.

— Как?

— Резонанс. Каждая вероятность имеет свою частоту. Ты настраиваешься на неё — как настраиваешь радио на волну. И вероятность становится реальностью. Именно так работает магия. Не заклинания. Не ритуалы. Резонанс.

Лиама подошла к стене. Положила на неё ладонь. Бетон. Шершавый. Неподвижный. Но теперь она знала, что это — лишь одна из версий бетона. Есть другие. Много.

— Я хочу попробовать, — сказала она.

— Попробуй, — спокойно ответил Айолос. — Но не пройти. Просто почувствуй вероятность. Ту единственную нить в веере, где стена прозрачна. Не хватай её. Не тяни. Просто отметь: она есть.

Лиама закрыла глаза.

Сначала — ничего. Только шершавая поверхность и её собственное дыхание. Потом — едва различимая рябь, словно кто-то тронул воздух у лица. Затем — слабое, почти неуловимое гудение. Стена вибрировала. Не физически — на уровне идеи. Где-то глубоко внутри её структуры существовала вероятность, в которой атомы расступались.

Она была там — тонкая серебряная нить в багровом переплетении силовых линий. Единственная среди тысяч.

— Я чувствую её, — прошептала Лиама, не открывая глаз. — Она... другая. Теплее, что ли. Или светлее. Она как приглашение.

— Это она и есть, — голос Айолоса звучал где-то рядом, но она не чувствовала его холода — он отошёл, давая пространство. — Теперь видишь? Прохождение — не разрушение. Это согласие. И стена уже дала его. Она всегда давала. Ты просто не умела слышать.

Она открыла глаза. Убрала ладонь. Стена осталась стеной — бетонной, твёрдой, непроницаемой. Но теперь Лиама знала, что это только одна из её граней. А за ней, вот здесь, прямо сейчас, существует другая. И однажды она войдёт в неё.

— Почему ты не позволяешь мне пройти сейчас? — спросила она.

— А ты попробуй, — повторил Айолос. На этот раз в его голосе прозвучал вызов. — Никто не держит тебя. Кроме тебя самой.

Лиама вновь положила ладонь на стену. Закрыла глаза. Нашла серебряную нить — она всё ещё была там, мягко пульсировала, ожидая её решения.

И тогда она поняла.

Дело не в стене. Не в Айолосе. Не в отсутствии силы. Всё внутри неё. Та крошечная доля сомнения, которую она не могла вытравить до конца, была как якорь. И якорь этот удерживал её форму, пока она сама не отпустит.

— Я поняла, — сказала она, убирая руку. — Ты не держишь меня. И стена не держит. Я сама.

— Хорошо. Ты поняла главное. Прохождение — это не милость, которую тебе даруют. Это выбор, который ты делаешь свободно. Если бы я толкнул тебя туда сегодня, ты бы прошла — но не стала бы свободной. Ты бы просто поменяла одну клетку на другую, думая, что обязана идти. Истинное странствие начинается тогда, когда ты перестаёшь быть обязанной.

Он начал таять. Края его фигуры размылись, превращаясь в дымку, которая втягивалась сама в себя, как обратная съёмка взрыва.

— Я оставлю тебе практику, — донёсся его голос уже из пустоты. — Тренируйся на малом. Чувствуй вероятности в каждом мгновении. Где пройти, где промолчать, где повернуть. Интуиция — это не ключ к стене. Это ключ ко всем дверям. А стена... она подождёт. Она ждала тебя всю жизнь. Подождёт ещё немного.

Остаток ночи Лиама просидела у окна, практикуя новое зрение. Она смотрела на ночной город — на потоки машин, на редких прохожих, на огни в окнах — и пыталась почувствовать не то, что есть, а то, что может быть.

Женщина в доме напротив гасила свет — и Лиама чувствовала вероятность её сна: тёплую, медленную, с вкраплениями тревоги (завтра трудный день). Мужчина на мотоцикле мчался по пустой набережной — и она чувствовала вероятность его маршрута: три перекрёстка, поворот налево, дом, где его кто-то ждёт. Голубь на подоконнике чистил перья — и она чувствовала вероятность его голода, его полёта, его короткой голубиной жизни, полной риска и неба.

Я чувствую вероятности, думала она. И сразу же другая мысль, более тихая: а могу ли я их менять?

Ответ пришёл не от Айолоса. Изнутри. Та самая интуиция, о которой они говорили.

Можешь. Но цена перемены — ответственность за перемену. Хочешь ли ты нести её?

Лиама не ответила. Она смотрела, как над городом встаёт солнце — сначала робкая полоска света, потом поток золота, затопивший улицы. И в этом потоке багровые нити Мира

Тока бледнели, прятались, но не исчезали. Где-то вдаль загудел первый поезд метро. Начался новый день.

Она поднялась, потянулась. Подошла к стене. Коснулась её кончиками пальцев — не пытаясь пройти, просто здороваясь. Бетон был прохладным и знакомым. И где-то там, внутри него, всё ещё светилась серебряная нить. Терпеливая. Ждущая.

Когда-нибудь, подумала Лиама. Не сегодня. Но когда-нибудь обязательно.

Она заварила кофе и села планировать новую инсталляцию. Рука выводила на планшете расчёты углов преломления, но мысли были далеко — там, где вероятности ветвились бесконечными путями, и каждый путь был приглашением.

Она больше не боялась. Она училась слушать.

Глава 5. Практика незримого

Глаза различают формы. Интуиция различает вероятности. А то, что между ними, — это и есть реальность, о которой никто не спрашивает.

—

Утро выдалось дождливым.

Лиама стояла под козырьком остановки аэроэкспресса и смотрела, как капли пробивают насквозь силовые линии Мира Тока. Каждая капля была не просто водой — она тянула за собой шлейф вероятностей: упасть на асфальт, испариться в полёте, разбиться о плечо прохожего, слиться с другой каплей и уйти в трещину. В физическом мире реализовалась только одна — но Лиама видела теперь все четыре одновременно, и от этого голова слегка кружилась.

Она тренировалась каждую свободную минуту после встречи с Айолосом. Сначала — дома, на статичных предметах. Потом — в движении. Сегодня она впервые выбралась в город без конкретной цели, кроме практики. Без планшета, без рабочих чертежей — только старая ветровка с капюшоном. Ей нужно было затеряться в потоке, стать никем, чтобы видеть, не будучи увиденной.

Аэроэкспресс мягко затормозил у платформы. Двери открылись, выпуская струю сухого воздуха. Лиама вошла, нашла место у окна и сразу расфокусировала взгляд.

Вагон был заполнен на треть. Двое мужчин в деловых костюмах обсуждали контракт — их токи были жёлтыми, быстрыми, с острыми пиками конкуренции. Подросток в наушниках слушал музыку — его нити пульсировали в такт ритму, синие и фиолетовые, замкнутые сами на себя. Пожилая женщина с тростью сидела у дверей — её токи были слабыми, но удивительно ровными, как закатное небо после ясного дня. Сквозь всё это проходили силовые линии самого вагона — электричество, информация, гравитация, сплетённые в сложную решётку.

«Я вижу души», — подумала Лиама и тут же одёрнула себя. Нет. Не души. Токи. Связи. Вероятности.

Она закрыла глаза и попыталась переключиться на третий слой — серебристый, который мерещился ей на грани сна. Сначала ничего. Потом — как будто кто-то чуть раздвинул занавеску. Сквозь багровую сеть проступили серебряные нити — тоньше, прозрачнее, они почти не касались физического мира. Они шли не от людей, а сквозь них — или, точнее, люди были временными сгущениями этих нитей, узлами на долгом пути.

В горле пересохло. Лиама моргнула — и серебристый слой исчез, оставив только багровый. Сердце билось сильнее, но она заставила себя дышать ровно. Айолос говорил: «Видение — не усилие. Видение — позволение. Ты не хватаешь образ, ты даёшь ему проступить».

Поезд замедлился. Её остановка.

— —

Центральный рынок встретил Лиаму шумом, запахами и плотной толпой. Здесь было труднее — потоки перекрывались, накладывались, спутывались в клубки, которые она не успевала развязывать. Продавец фруктов громко расхваливал манго — его токи были оранжевыми, широкими, почти театральными. Уличный музыкант играл на саксофоне — и его музыка была видна: звуковые волны в Мире Тока превращались в концентрические кольца, которые расходились сквозь толпу, задевая прохожих, окрашивая их токи на мгновение в свой тон.

Лиама шла медленно, стараясь не врезаться в людей. Она училась новому навыку: смотреть одновременно вперёд, чтобы не споткнуться, и внутрь, чтобы различать слои. Это было похоже на обучение езде на велосипеде — сначала неловко, потом вдруг щёлкает какой-то переключатель в мозгу, и тело начинает делать само.

У лотка с выпечкой она заметила мужчину с ребёнком. Девочка лет пяти держала в руках сахарную вату — розовое облако на палочке. Её токи были чистыми, ярко-золотыми — детство, подумала Лиама. Настоящее детство, ещё не затемнённое взрослыми страхами. И вдруг она увидела, как одна из нитей ребёнка — та, что соединяла руку с палочкой, — задрожала. Вероятность: пальцы разожмутся, сахарная вата упадёт в лужу, девочка заплачет. Вероятность была сильной — очень сильной, почти неизбежной.

И не думая, что делает, Лиама потянулась к этой нити.

Не физически. Она просто — как её учил Айолос — настроилась на другую вероятность. Ту, где пальцы удержат палочку. Где девочка заметит слабинку и перехватит. Где ничего не упадёт.

Серебряная нить чуть сдвинулась — и всё.

Девочка посмотрела на свою сахарную вату, нахмурилась и перехватила палочку обеими руками. Мужчина улыбнулся, потрепал её по волосам, и они пошли дальше.

Лиама стояла, не в силах двинуться с места. Сердце колотилось. Она сделала это. Она реально это сделала — и в этот раз не просто почувствовала, а изменила. Едва заметно. Мелочь. Но сделала.

«Хорошо. Ты начинаешь понимать».

Голос Айолоса прозвучал прямо в сознании. Лиама резко обернулась, но никого не увидела. Только толпу, рынок, запах корицы и выхлопов.

— Ты здесь? — прошептала она вслух. Никто не ответил. Но в углу сознания осталось ощущение, похожее на слабый холодок — знак присутствия.

— —

К павильону она подошла уже к вечеру.

Днём она ещё дважды пробовала вмешиваться в вероятности — и оба раза неудачно. В первый раз она попыталась повлиять на пробку на перекрёстке (ничего не изменилось), во второй — на настроение прохожего, который шёл слишком мрачным (его токи лишь на миг дрог-

нули и вернулись к прежнему рисунку). Лиама поняла: с сахарной ватой получилось, потому что она не думала. Потому что её намерение совпало с живым импульсом — помочь ребёнку. А когда она пыталась «потренироваться» на пробке, в ней уже был не импульс, а расчёт. Айолос бы сказал: «Рассудок снова влез».

Павильон «Отражений» всё ещё работал. Сегодня был выходной — посетителей пускали бесплатно, — и внутри толпились люди. Лиама прошла через толпу к служебной двери, показала пропуск охраннику и поднялась на второй ярус — туда, где находился центр управления. Отсюда открывался вид на весь зал.

Семьдесят две зеркальные панели вращались в заданном ритме. Сервомоторы гудели, наноплёнка меняла коэффициент преломления, свет дробился в отражениях. Посетители восхищались, фотографировали, терялись в коридорах зеркал. Всё шло по плану.

Но Лиама видела другое.

Каждое зеркало было не просто отражающей поверхностью. В Мире Тока оно было линзой — точкой перехода, где физический свет смешивался с более тонкими вибрациями. Когда человек смотрел на своё отражение, часть его токов задерживалась в зеркале, как эхо. И когда другой человек вставал на то же место, он улавливал это эхо — бессознательно. Именно это создавало то странное ощущение, которое она заложила в проект как «эмоциональный шум».

Но теперь она видела и третий слой. И в нём зеркала были вовсе не зеркалами — они были порталами. Вратами, через которые она шагнула в Хрустальный Зал.

Лиама включила диагностику. Пятый сектор — опять рассинхрон. На этот раз она не удивилась. Она увеличила график и увидела всё ту же спираль — фрактальную, похожую на раковину наутилуса. Алгоритмы не могли её создать. Это приходило извне.

Или изнутри.

— Ты строила мост, — раздался голос за спиной. — И он строится сам до сих пор.

На этот раз Лиама не вздрогнула. Она знала, что он здесь. Знала с того самого момента, как переступила порог.

Айолос стоял у панорамного окна, выходящего в зал. Сегодня его плащ был темнее обычного — почти чёрный, с редкими багровыми прожилками. Лицо собралось в черты пожилого мужчины — резкие, но спокойные. Только глаза оставались провалами, и в их глубине всё так же кружились галактики.

— Ты сегодня многое попробовала, — сказал он.

— Я пыталась тренироваться. Получилось один раз. С ватой.

— Знаю. Я видел. — Он повернулся к ней. — Ты сделала это без усилия. Ты просто предложила реальности иную ветвь — и она согласилась. А потом ты попробовала на пробке и на прохожем, и ничего не вышло. Знаешь почему?

— Потому что в первом случае я не думала о результате, — медленно сказала Лиама. — Я просто... совпала. С ребёнком, с моментом. А когда я попробовала с пробкой и с прохожим, я уже хотела проверить, получится ли у меня. Я давила. И реальность это чувствует — она отзывается не на давление, а на совпадение частот.

— Именно. — Айолос шагнул ближе. — Реальность — не механизм. Она живая. Она отзывается не на команды, а на резонанс. Когда ты хотела помочь ребёнку, ты резонировала с любовью. А любовь — это самая высокая частота из доступных. Когда ты хотела разогнать пробку, ты резонировала с раздражением. Раздражение — низкая частота. Она не сдвигает вероятности, она их закрепляет.

Он протянул руку к панели управления. Коснулся сенсора — и по залу прошла едва заметная волна. Никто из посетителей не заметил, но Лиама увидела: в Мире Тока зеркала на мгновение перестали быть зеркалами и стали окнами. В каждое окно смотрело что-то — не лица, не фигуры, а внимания. Взгляды. Сотни взглядов.

— Что это? — прошептала она.

— Зрители. Тени из Мира Тока. Им любопытно смотреть, как живые души ходят среди своих отражений и не узнают себя. Это своего рода театр. Ты создала его, сама не зная. — Он убрал руку, и окна снова стали зеркалами. — Теперь смотри внимательно. Я покажу тебе кое-что важное.

Он указал на женщину внизу — посетительницу лет сорока, которая стояла перед центральной панелью и всматривалась в своё отражение. Её токи были тусклыми, с серыми вкраплениями — усталость, печаль, старая боль.

— Эта женщина потеряла дочь два года назад, — сказал Айолос. — Она приходит сюда каждую неделю и смотрит в зеркало, надеясь увидеть её отражение. Она не знает, что делает. Но её желание так сильно, что оно уже почти пробило грань. Видишь?

Лиама прищурилась. Да. Рядом с женщиной, в отражении, которое та не видела, мерцал слабый силуэт — девочка лет двенадцати с косичками. Она не была призраком. Она была эхом. Вероятностью. Тем, что осталось от человека в Мире Тока, когда физическая форма распалась.

— Это её дочь? — спросила Лиама.

— След. Эхо. Не сама душа. — Айолос помолчал. — Теперь смотри, что делают незримые связи.

Он не сделал ничего — во всяком случае, Лиама не увидела движения. Но в Мире Тока что-то изменилось. Одна из багровых нитей, идущая от женщины вверх, сквозь зеркало, чуть натянулась — и в физическом мире женщина вдруг выпрямилась. Её плечи расправились, на лицо набежала лёгкая тень улыбки. Она моргнула, коснулась стекла кончиками пальцев и отошла — легче, чем стояла минуту назад.

— Что ты сделал? — прошептала Лиама.

— Я не сделал. Я позволил. — Айолос посмотрел на неё. — Связь между матерью и дочерью всё ещё существует. Просто физические глаза её не видят. Но она есть — и она постоянно посылает сигналы. Любовь, которую души испытывают друг к другу, не исчезает после смерти формы. Она просто переходит в другой спектр. Мать не может её принять, потому что слишком скорбит. Скорбь — это шум. Он заглушает сигнал. Я просто убрал шум на секунду. И она почувствовала любовь.

Лиама смотрела на женщину, которая уже шла к выходу — не счастливая, но уже не сломленная. Что-то в ней изменилось, и Лиама теперь видела это совершенно ясно.

— Вот что значит — действие в Мире Тока, — сказал Айолос. — Ты не приказываешь физической материи. Ты работаешь со связями. С тем, что между. Иногда достаточно чуть ослабить натяжение или, наоборот, усилить его — и реальность перестраивается сама.

— Но это же... — Лиама подбирала слова. — Это огромная ответственность. Если я могу влиять на чувства людей, на их решения...

— Можешь, — прервал он спокойно. — И это самое страшное знание. Потому что теперь каждый твой шаг в Мире Тока — это выбор. Помочь или навредить. Усилить любовь или усилить страх. Тыходишь в экологию душ, и каждое твоё действие отзывается эхом во всех слоях. Хочешь ли ты продолжать?

Лиама посмотрела на зал. На зеркала, в которых отражались десятки людей. На токи, сплетающиеся в сложный узор. На серебряный слой, едва проступающий сквозь багровый.

— У меня нет выбора, — сказала она наконец. — Я уже внутри. Я могу только идти вперёд.

— У тебя всегда есть выбор, — возразил Айолос. — Значит, продолжаем.

Он опустился в кресло оператора — единственное, которое не старело под ним, словно он сдерживал свою природу усилием воли. Провалы его глаз стали чуть мягче.

— Лимбург скоро позовёт тебя снова, — сказал он. — Ты уже готова увидеть больше. Но до тех пор — практика. Не пытайся влиять на большие события. Тренируйся на малом. Чувствуй связи. Учись отличать импульс любви от импульса страха — потому что именно из этой разницы рождается всё магическое искусство, которое я могу тебе передать.

Лиама кивнула. Но прежде, чем он успел исчезнуть, она задала ещё один вопрос:

— Та серебряная нить. Третий слой. Я пыталась его удержать сегодня в поезде — и не смогла. Что это?

Айолос помедлил. Его лицо на миг стало очень старым — старее, чем всё, что она могла вообразить.

— Это слой архетипов, — сказал он. — Узоров, из которых сотканы души. Ты ещё не готова работать с ним. Но если видишь его — значит, твоя частота растёт быстрее, чем я думал. Продолжай. И доверяй тому, что чувствуешь, а не тому, что думаешь о том, что чувствуешь.

Он растаял. На этот раз без дыма, без искр. Воздух в том месте, где он только что был, на секунду стал абсолютно прозрачным.

Лиама осталась одна в операторской, над залом, полным зеркал и отражений. Снизу доносился приглушённый гул голосов. Сервомоторы продолжали своё размеренное движение.

Она села за пульт и открыла программу диагностики. Спираль пятого сектора по-прежнему пульсировала на экране — живая, сложная, не поддающаяся алгоритмам. Завтра придёт Айзек и снова скажет: «Рассинхрон пятого сектора, госпожа Архитектор». А она снова ответит: «Это не баг, это фича».

Но теперь она знала, чья это фича. Её собственная. Она строила мост — и мост отвечал ей, обрстая связями, прорастая сквозь слои, куда она ещё даже не заглядывала.

Она выключила диагностику. Встала. Подошла к окну, глядя в зал. Женщины, потерявшей дочь, уже не было. Но эхо её любви всё ещё дрожало в том зеркале, и Лиама видела его — едва заметное серебряное свечение.

«Вот чему я учусь, — подумала она. — Не проходить сквозь стены. Не повелевать материей. А видеть эхо любви там, где другие видят только пустоту. И иногда — совсем немного — помогать этому эху быть услышанным».

За окнами павильона зажглись вечерние огни. Город начинал свою ночную жизнь — другую, более тихую, с длинными тенями и глубокими нишами тишины. Лиама подхватила ветровку и вышла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.